

у 44221

0

КОМИТЕТ ПО ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ И СПОРТУ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

Федерация тенниса СССР

ПОДАШЕНО

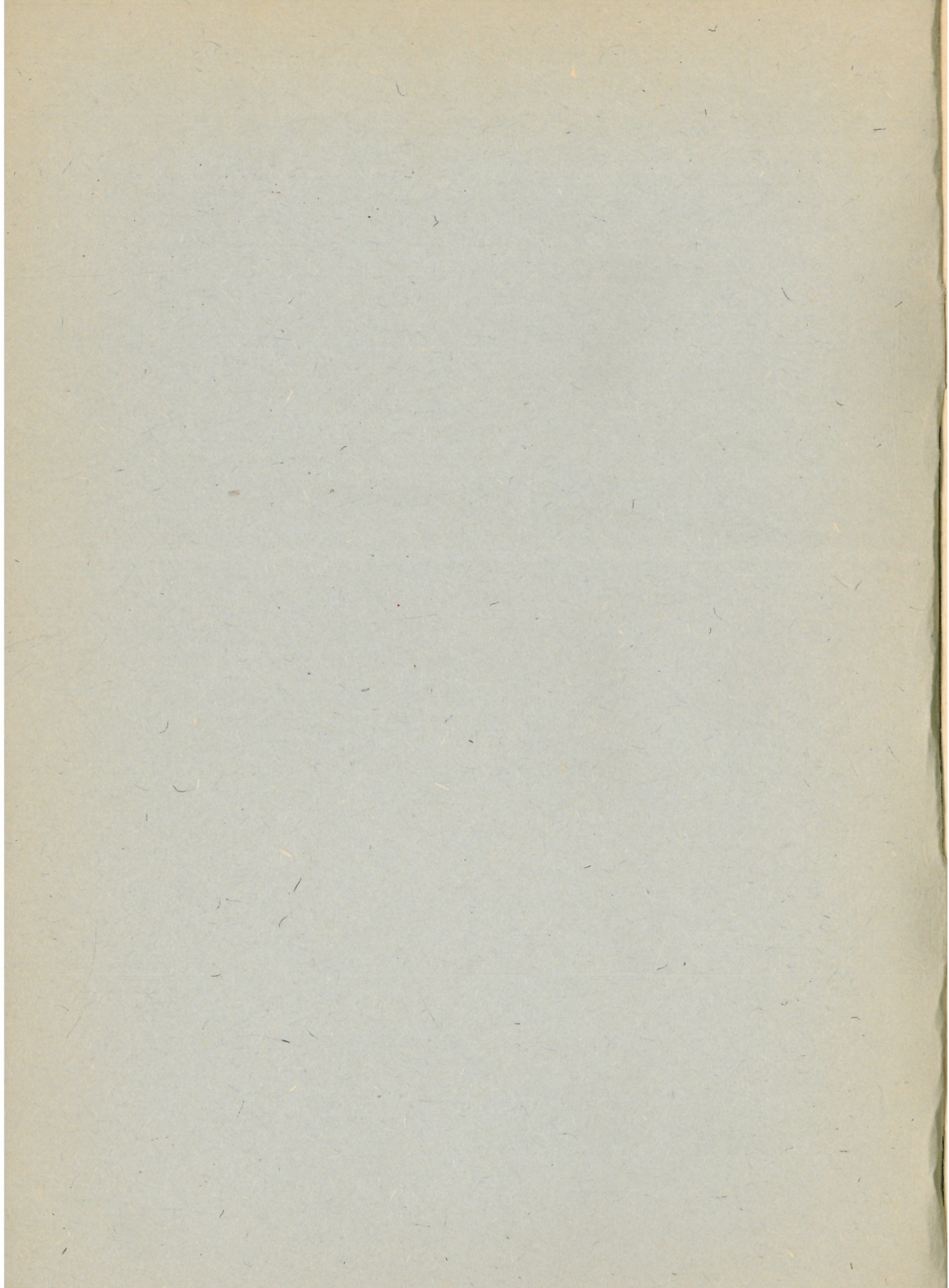
Для служебного пользования

000047

ОСНОВНЫЕ ОБЩИЕ УСТАНОВКИ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ШКОЛЫ ТАКТИКИ
ТЕННИСА

Методическое письмо для тренеров
и спортсменов

Москва 1970

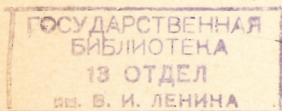
У-4422

КОМИТЕТ ПО ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ И СПОРТУ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

Федерация тенниса СССР

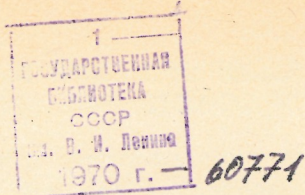
ОСНОВНЫЕ ОБЩИЕ УСТАНОВКИ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ШКОЛЫ ТАКТИКИ
ТЕННИСА

Методическое письмо для тренеров
и спортсменов

70-3782 м

Москва 1970

Автор письма главный тренер Федерации тенниса,
кандидат педагогических наук С. БЕЛИЦ-ГЕЙМАН

ОТ ОТДЕЛА ТЕННИСА
КОМИТЕТА ПО ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ
И СПОРТУ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР
И ФЕДЕРАЦИИ ТЕННИСА СССР

Направленность тактики, определение основных положений отечественной школы тактики - один из главных вопросов системы подготовки советских теннисистов. От разработки этого вопроса во многом зависит дальнейший рост спортивного мастерства. Установки школы тактики во многом определяют содержание психологической, технической и физической подготовок. Им фактически должны быть подчинены эти разделы подготовки.

Школа тактики выступает по отношению к каждому разделу спортивной подготовки в роли своеобразного программиста-заказчика. Она определяет, какими в общих чертах должны быть техника, психологическая и физическая подготовка, чтобы спортсмен мог взять на вооружение передовую тактику.

Отдел тенниса и Федерация тенниса все последние годы большое внимание уделяли разработке генеральной линии тактики и тактической подготовки советских теннисистов, проводили линию на затлеизм и активизацию игры.

Главная задача этой линии - освоение спортсменами атлетической, нападающей, тактически разнообразной и гибкой игры с использованием мощных, точных ударов, основанной на высоком мастерстве в нападающих и активно-защитных действиях, умение успешно действовать в любой точке площадки как у задней линии, так и у сетки.

В последние годы достигнуты известные результаты в проведении этой линии. Ряд ведущих теннисистов и прежде всего чемпионы СССР А. Метревели и О. Морозова по направленности тактики вышли на самые передовые в мире позиции. Наметилось некоторое улучшение и в тактической подготовке юных теннисистов. Однако эти положительные сдвиги далеко не соответствуют поставленным задачам, нашим огромным возможностям и все еще осуществляются крайне медленными темпами.

Задача заключается в том, чтобы самым решительным образом добиваться совершенствования системы подготовки, нацеливая ее на воспитание подлинных атлетов с активной, разнообразной игрой.

В данном методическом письме разбираются главные общие установки отечественной школы тактики, определены главные направления тактической подготовки советских теннисистов.

Отдел тенниса и Федерация тенниса рассматривают данное письмо в качестве инструктивного материала для тренеров и спортсменов и рекомендуют им руководствоваться.

1. ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ ТАКТИКИ

В одном из выступлений, посвященных перспективам научных исследований, выдающийся советский физик Н. Курчатов высказал такую мысль: "Каждая научная дисциплина начинается со своего собственного определения". Какое же отношение эти слова имеют к проблеме тактики тенниса? Прямой связи, конечно, нет. Но они — хороший ориентир в определении правильного подхода к проблеме и разработке ее главных установок. Ведь нельзя серьезно говорить о тактике, а тем более разрабатывать ее руководящие установки, не дав ей определение, не установив, что же следует понимать под самим термином "тактика".

В одном из зарубежных руководств по теннису сказано: тактика — это совокупность комбинаций ударов. Если встать на такую точку зрения, то выходит, что все должно свестись к обоснованию комбинаций ударов и выработке методики их освоения и совершенствования. Но разве можно пойти по такому узкому, более того, примитивному пути, недооценивающему различные стороны спортивной борьбы. Спорту нет, комбинации ударов — это "кирпичики" тактики. Но ведь солидное "здание", каким является тактика, состоит не только из них. Соревнование теннисистов — это жестокая схватка характеров, суровое испытание воли, сражение интеллектов, многогранная и сложная психологическая борьба, в которой используется самое различное теннисное "оружие". И исход многих поединков нередко определяется совсем еле заметным прорывом лишь в каком-то одном игровом звене. Причем чем сильнее соперники, тем все большее значение приобретают наиболее тонкие и нередко еле заметные нюансы матчевых схваток.

Тактика должна охватывать все стороны "боевого соприкосновения" соперников и предусматривать

установку: всему тому, что делает игрок в соревновании, необходимо придать строго определенный тактический смысл и все оценивать с точки зрения тактического эффекта. Например, теннисист во время матча оказался во власти бурных эмоций раздражения. Это не только признак слабости воли, отсутствия необходимой выдержки, но и пример собственного, если можно так выразиться, тактического обкрадывания, передачи тактического оружия в руки соперника.

Тактика — это нацеленная на достижение победы система игровых действий и соревновательного поведения спортсмена.

В этом определении обратите внимание на два момента. И прежде всего на слово "система". Оно сейчас — одно из самых распространенных и популярных, особенно в науке. Использование его в нашем определении — это не дань моде, а желание подчеркнуть главное. Казалось бы тактику можно рассматривать как совокупность действий. Но тогда в определении отсутствовало бы самое существенное, что отличает высокое искусство спортивной борьбы — подчиненность всех действий единому замыслу, объединение их в единое целое, в котором все стороны "боевого соприкосновения" находятся в тесной взаимосвязи и взаимозависимости. Беда немалого числа теннисистов заключается в отсутствии системы в их игре. Бесспорно, любая тактика подразумевает совокупность действий. Но в одном случае эта совокупность поднимается до уровня стройной системы, а в другом — ограничивается только попытками находить правильные тактические решения по ходу игры, как говорится плаывая по воле волн.

Приведенное определение как раз и нацеливает на вооружение теннисиста тактикой, представляющей собой стройную, единую систему действий.

Вторая важная особенность определения — это признание "прав гражданства" за двумя видами дей-

ствий, чисто игровыми и действиями так называемого соревновательного поведения, а, следовательно, и необходимость рассматривать каждый из них как часть единой системы.

Что из себя представляют действия соревновательного поведения? Сначала познакомимся с примерами таких действий.

. . . Ртутный столбик, нагретый жаркими лучами тбилисского солнца, показывал в тени далеко за тридцать. А стрелки игровых "курантов" свидетельствовали, что марафонский матч длится уже более трех часов. Но как ни странно, оба соперника держались бодро. Бравый вид одного можно было объяснить просто: он был коренным южанином и с детства привык к палящим лучам солнца. А вот для его соперника, обитателя северной части страны, нестерпимая жара должна была стать злейшим врагом.

Наконец, соперники сошлись у сетки и пожали друг другу руки. Но не прошло и каких-то нескольких секунд как "северянин" буквально рухнул на стул у судейской вышки и, закрыв лицо полотенцем, стал глотать воздух, словно рыба, выброшенная на берег. Через несколько минут он с трудом поднялся и какой-то неестественной походкой направился в раздевалку. Под душем он мылся сидя.

" В этом матче меня одолевала смертельная усталость, но я понимал: самое главное - это скрыть от соперника. Ведь, если бы мне это сделать не удалось, то он сразу бы изменил тактику игры и тогда мне бы был конец", - рассказывал в раздевалке радующийся своей победой "северянин", после того как душ привел его в чувство.

Моя бодрость была наигранной, временами у меня буквально подкашивались ноги и казалось, что я вот-вот упаду. Но я себя пересиливал и старался показать сопернику, что я "бодр и весел". Когда мы менялись сторонами я "замораживал" свое дыхание и,

как ни в чем не бывало, заглядывал сопернику в глаза и старался ему внушить: ни колоссальная нагрузка, ни нестерпимая жара на меня не действуют. Однако, как только я выходил из "поля зрения" соперника, так тотчас же начинал глубокими вдохами и энергичными выдохами "уравновешивать" свое дыхание" — так закончил свой рассказ спортсмен.

Вот вам пример того, как определенная линия соревновательного поведения в руках искусного тактика с сильной волей превращается в очень важное тактическое оружие.

. . . В равной, длительной и очень напряженной борьбе прошли первые две партии матча австралийца Т. Роча и американца М. Риссена на мягких грунтовых кортах Парижа (Открытое первенство Франции, 1968 год). И хотя в каждой из них было по два сетбола в пользу американца, победил в обеих партиях австралиец, игравший более цепко и тактически тонко. Но в третьей партии уверенно повел американец — 4:0. Его соперник выглядел совсем усталым. В тот день эта была вторая одиночная встреча Роча, так как утром около двух часов он доигрывал три партии матча, прерванного накануне из-за дождя. Казалось, австралиец потерял надежду наверстать упущенное в этой партии. Но всей своей игрой, построенной на сочетании длинных и коротких косых ударов с довольно частым, но неожиданным применением укороченных ударов, австралиец явно старался измотать своего соперника. В конце концов партия досталась американцу.

Утомленными выглядели оба теннисиста. И все же все считали, что представитель Австралии, сыгравший в общей сложности шесть партий, каждая из которых завершилась со счетом не меньше чем 8:6, устал гораздо сильнее. Оба игрока подошли к судейской вышке, чтобы решить: продолжать поединок без перерыва или воспользоваться правом кратковре-

менного отдыха. Американец предложил перерыв. Австралиец стоял в раздумьи. Судья, уже было начавший слезать с вышки, застыл в ожидании. И вдруг Роч со всей решительностью в голосе неожиданно сказал: "Играть, так играть!".

Эти слова были произнесены словно боевой клич. С первых мячей австралиец ринулся в атаку, усталось его как рукой сняло, активной, темпераментной игрой и уверенным внешним видом он давал сопернику понять, что его линия поведения в конце третьей партии была тактической уловкой. Американец выглядел растерянным. Не прошло и двадцати пяти минут, как он был вынужден поздравить победителя.

После матча австралиец рассказывал журналистам: "Я держался как артист и мне удалось перехитрить соперника, но в самый ответственный момент я все же не сдержался и, когда Риссен предложил играть без перерыва, я расплылся в улыбке, но, к счастью, он ее не понял".

Вот вам два противоположных примера, две различные линии поведения. На тбилисских кортах теннисист искусно скрывал свою усталость. В парижском поединке игрок, наоборот, как бы выставлял ее на показ. И в обоих случаях совершенно разные линии соревновательного поведения способствовали успеху.

Последний пример несколько иного характера.

- Разве можно у него выиграть, если на моих матчболах он играет так, словно они не в мою, а в его пользу! - Такую реплику с досадой бросил эстонский теннисист П. Ламп, когда с поникшей головой уходил с площадки после проигрыша тбилисцу Т. Какулия.

А что же собственно говоря произошло? Нечто из рук вон выходящее: эстонец имел пятнадцать матчболов, но каждый раз соперник с неумолимой уверенностью, какой-то неповторимой лихостью бле-

стояще отыгрывал роковые для него очки. Если бы вы вошли в зал в эти трагические моменты и не знали бы счета матча, то, бросив взгляд на тбилисца, я уверен, сделали бы такой вывод: инициатива в его руках, соперник же совсем близок к поражению.

А вот те, кто внимательно и проникновенно следили за действиями Какулия, в его внешнем виде могли прочесть такие дерзкие слова, обращенные к Лампу: "Ты выиграл много очков, но последнее тебе никогда не достанется, и хотя я сейчас на волоске от поражения, все равно я в конце концов выиграю".

Теперь, я надеюсь, вы понимаете, что было причиной реплики эстонского мастера, который был побит не только чисто игровым, но и психологическим оружием.

Эти три различных примера из практики соревнований помогут нам сформулировать главные задачи, которые могут быть решены действиями соревновательного поведения.

Задачи эти таковы:

1. Оказывать психологическое давление на соперника всем своим уверенным и уравновешенным поведением на площадке, выражающим непоколебимую волю к победе.

2. Не обнаруживать перед соперником утомление и отрицательные особенности психических состояний, скрывать за непроницаемой внешностью все то, что соперник может использовать в интересах своей тактики.

3. Вводить соперника в заблуждение и вызывать его тем самым на заведомо неэффективные действия путем использования тонких тактических уловок в линии соревновательного поведения.

Мы довольно подробно разобрали вторую особенность приведенного выше определения тактики.

Она, как и первая особенность определения, требует всестороннего и глубокого подхода к тактическим проблемам, использования передовой тактики как тонкого и сложного искусства, требующего от спортсмена умения безотказно управлять своим поведением, психологически воздействовать на соперника, быстро и тонко разбираться в самых разнообразных психологических нюансах спортивной борьбы.

П. ЗАДАЧИ ШКОЛЫ ТАКТИКИ

Тактика связана с таким исключительно важным и сложным делом как воспитание человека-спортсмена. Она, как заботливая мать, выводит в люди свое дитяще — теннисистов, вооруженных определенной тактикой и комплексом различных качеств и особенностей, создающих возможности для использования этой тактики. И каков будет сей драгоценный выводок во многом зависит от задач воспитания. Поэтому первую задачу школы тактики и следует назвать воспитательной.

Известный советский тренер как-то сказал: "Одна тактика воспитывает труса, другая — смельчака". В этих словах, безусловно, есть доля преувеличения. Но в них лежит и глубокий смысл.

В игре качества спортсмена не только проявляются, но при определенных условиях и развиваются. Один теннисист от матча к матчу играет все активнее и смелее, нападает все увереннее и увереннее, упорно преодолевает боязнь риска. Разве все это не укрепляет его характер? Другой вновь и вновь робко защищается, действует нерешительно, не борется за инициативу, не старается преодолевать психологическую скованность. И значит он все больше и больше укрепляет себя в волевых слабостях.

Отечественная школа тактики должна быть нацелена на воспитание у теннисистов лучших качеств и черт характера, должна быть подчинена общим целям советской системы физического воспитания. В этом прежде всего и заключается существо ее воспитательной направленности.

В арсенале необходимых достоинств спортсмена видное место занимают три группы качеств — волевые, интеллектуальные и физические. Они наиболее тесным образом связаны с тактикой и требуют развития до уровня "золотой пробы".

Какие же конкретно качества входят в каждую из трех групп?

Целеустремленность и настойчивость, активность и инициативность, смелость и решительность, выдержка и самообладание, способность к продолжительной концентрации внимания и психологическая устойчивость — вот волевые качества, которые позволяют использовать в игре передовую тактику и лимитируют тактические возможности теннисиста.

Еще в древности родилось утверждение, что полководец должен отличаться умом и сильной волей. Некоторые теоретики военного искусства сравнивали дарование полководца с квадратом, в котором ширина — воля, а длина — ум. Этим они хотели подчеркнуть необходимость своеобразного "равновесия" между обоими качествами. Теоретики утверждали, что полководец будет действовать мужественно, смело и решительно, но недостаточно умно, если воля явно преобладает над умом. При обратном же соотношении, несмотря на самые хорошие замыслы, в планах полководца может не хватить воли для их реализации. Как свидетельствует история, подлинно выдающиеся полководцы — это люди с наличием такого "равновесия".

А разве теннисист не должен быть похож в этом отношении на полководца? История отечественного и зарубежного тенниса неопровержимо свиде-

тельствуем, что ведущие позиции всегда принадлежали спортсменам с сильной волей и развитым тактическим интеллектом.

Вдумайтесь и в такие слова, также взятые из военной теории: интеллект — это основа искусства вести бой.

Отечественная школа тактики тенниса должна развивать и использовать в игре как сильную волю, так и следующие интеллектуальные качества: творческое, гибкое, аналитическое мышление, способность мыслить смело и быстро, тактическую наблюдательность и интуицию, тактическое предвидение.

Теперь мы подошли к последней группе качеств — физических. Какая же связь между ними и школой тактики. Предельно тесная и прямая. Тактические возможности теннисиста всегда лимитированы его атлетической подготовкой, а совершенствование физических качеств эти возможности расширяет. Правильно говорят: какова физическая подготовка спортсмена, такова и его тактика. Разве может, например, теннисист успешно использовать тактику "сеточного" нападения в матче с сильным соперником, если он не обладает быстрой реакцией и ловкостью. Всесторонняя физическая подготовка для использования передовой тактики — это все равно, что воздух для дыхания.

Но и тактика сказывает обратное, причем не менее сильное, влияние на атлетические качества. Одна тактика стимулирует, более того настоятельно требует их бурного развития; другая, наоборот, как бы консервирует их, не дает простора для проявления и совершенствования. Ведь тактика однообразной игры только с задней линии "убивает" у теннисиста, например, быструю реакцию и ловкость. Передовая же тактика словно говорит теннисисту: становись атлетом и тогда ты сможешь взять меня на вооружение; чаще используй меня и я сослужу тебе добрую службу в улучшении твоей физической подготовки.

Отечественная тактическая школа нацеливает на тактику, воплощающую в игре благородные идеалы атлетизма и одновременно стимулирующую совершенствование физических качеств.

Первая, воспитательная задача школы тактики, ведет в бой с недостатками, настоятельно требует всестороннего спортивного совершенствования. А раз она ведет в бой, значит неизбежно столкновение с противником. Но кто этот таинственный противник, с какой стороны надо ждать его неожиданного коварного удара?

Консервативные взгляды на тактическую ориентацию, явно бесперспективный подход к тренировке без решительной установки на освоение передовых вариантов тактики и облакающий спортсмена на зстой ввиду индивидуальных слабостей, — вот этот злой и коварный противник. У такого противника обычно своя "теория", суть которой в утверждении, что тактика всецело зависит от индивидуальных особенностей теннисиста. Определите, мол, эти особенности как можно раньше, выявите слабости, недостатки и вы сразу увидите, что вам по плечу. Для многих передовая тактика атлетической игры — это что снышка в небе. Как знать, удастся ли ее когда-нибудь поймать? Так не лучше ли довольствоваться более скромным, что доступно уже сейчас и не требует "ломки натуры".

Если, например, вы не склонны к риску, вам недостает смелости и решительности, то доверьтесь спокойной игре с задней линии. Вы темпераментны, вам чуждо однообразие, вы предпочитаете острые игровые ситуации, — тогда полагайтесь на атаки у сетки.

Осуждение подобной "теории" — это не выпад против индивидуальности спортсмена и разнообразия в тактике. Отечественная школа тактики за яркую игровую индивидуальность, но в тактике передовой, перспективной. Наша школа нацеливает не на пассивную подгонку тактики под индивидуальные слабости теннисиста, а на всестороннее спортивное со-

вершенствование, предусматривающее решительную ориентацию на все, соответствующее лучшим мировым стандартам и прочно опирающееся на индивидуально сильные стороны спортсмена.

Любая школа тактики проверяется на полях сражений и оценивается в конечном итоге по спортивным победам. Нельзя же считать передовой школу, представители которой неизменно терпят поражение. Вторая задача отечественной тактической школы как раз и заключается в том, чтобы вооружить теннисиста наиболее эффективной, победоносной тактикой, позволяющей достигнуть вершин спортивного мастерства. Предвижу, что среди читателей могут найтись такие, которые, познакомившись с этой второй задачей, скажут: "Подумаешь, какая у нас там особая школа тактики. Вот австралийская и американская — это настоящие школы, так как их представители являются первыми ракетками мира. А у нас идеи хорошие, а вот результаты . . .".

Ответим таким скептикам.

Наша школа в стадии становления, ее представители совсем недавно вышли на международную арену и пока еще не имеют достаточного опыта борьбы с сильными зарубежными игроками, практика у нас пока еще явно отстает от теории, да и в теории на важных ее участках еще довольно много "белых пятен". К тому же результаты на международной арене зависят не только от особенностей тактики. Так что наша школа тактики — это словно мужающий юноша, у которого все еще впереди. Именно формирование своей, отечественной школы тактики, развивающейся в строгом соответствии с задачами советской системы физического воспитания и воплощающей в игре лучшие качества советского спортсмена, и должно составить одно из основных условий роста мастерства советских теннисистов.

К третьей задаче школы тактики подойдем как бы издалека. Вообразим себя на некоторое время

скрупулезными статистиками и попытаемся выяснить зависимость посещаемости соревнований от особенностей игры фаворитов, направленности их тактики. В исторической летописи мы неожиданно для себя найдем даже финальные матчи личного первенства страны с редееющим числом зрителей на трибунах. Если бы на соревнованиях существовала книга жалоб и предложений, то в ней, я уверю, значительная часть зрителей оставила бы горькие слова разочарования за обиду, нанесенную им бесцветной игрой — "полукачем". Пожелтевшие страницы летописи даже напомнят нам о нескольких мрачных годах "реакции", когда в решающих поединках господствовала, если выразаться футбольным языком, тактика "бетона" с ее погасшим наступательным порывом, явно снизившая популярность теннисных соревнований.

Давайте же поскорее перевернем эти серые страницы теннисной летописи. Ведь знакомство с ними так и тянет сказать: такое не должно повториться.

Перед нами исторические фотоснимки, запечатлевшие центральные корты в дни захватывающих финальных поединков. На трибунах яблоку упасть негде.

На одном из фотоснимков оба участника сошлись у сетки и крепкожимают друг другу руки. Улыбка на лице и победителя и побежденного. А зрители? Возьмем увеличительное стекло и приглядимся к ним. Большинство стоя приветствует виновников торжества. Их радостные лица и весь внешний вид с печатью бурных эмоций неопровержимо свидетельствуют: матч доставил им истинное удовольствие и они от души благодарны участникам. Журналист, привыкший описывать официальные торжественные церемонии, в этот момент записал бы в своем блокноте: "Бурные, долго несмолкающие аплодисменты!"

А не встречались ли нам фотоснимки финальных матчей на прежних страницах исторического архива?

Вот один из них. Тот же центральный корт и у сетки финалисты, но на этот раз другой игровой формации: каждый пытался взять другого измором, не рисковал, не шел на обострение.

На лице победителя тоже улыбка. Но в ней и радость и какая-то необычная смущенность, будто новоявленный чемпион в чем-то провинился. У побежденного же лицо сумрачное. Весь его вид как будто свидетельствует: отмучился!

А зрители? В их спокойных лицах не прочтешь радости, удовольствия. словно какая-то таинственная сила отняла у поклонников тенниса одно из самых драгоценных для человека качество — эмоции. И те, кто аплодирует чемпиону, делает это как-то вяло, с почти опущенными руками.

В усталой позе судьи на вышке тоже нечто символическое. Рукой он, видимо, разминает себе шею. Попробуйте-ка бесчисленное множество раз мотать головой из стороны в сторону, следя за мячом, как за монотонно качающимся маятником!

Так, перелистывая страницу за страницей, вглядываясь в фотоснимки, мы, придем к обобщающему выводу: кривая посещаемости финалов крупных соревнований имеет явную тенденцию к подъему в тех случаях, когда в матчах за почетные медали встречаются спортсмены-атлеты, играющие активно, разнообразно, тактически гибко.

Такие матчи — лучшая пропаганда спорта, его огромных возможностей воздействия как на людей активно им занимающихся, так и на тех, кто довольствуется скромной ролью зрителей, жаждущих получить от игры истинное удовольствие.

Не могу не удержаться, чтобы не привести здесь меткие слова писателя Ю. Трифонова. На страницах газеты "Советский спорт" он писал: "Теннис — спорт особый. Как никакой другой, он порождает фанатических приверженцев, вызывает любовь вековую, пожизненную. Может быть, это связано с

тем, что в теннис, как и в шахматы, можно играть всю жизнь, в то время как в других видах спорта возраст очень скоро ставит преграды. А может быть, связано с особой, таинственной красотой тенниса и с тем, что в этой игре, как ни в какой иной, остро и полно проявляется личность, характер, индивидуальность".

Но разве могут рождаться любовь к теннису матчи "пассивного противостояния"? Они скорее оттолкнули от тенниса. Посмотрев несколько раз такие матчи, и, возвращаясь после них с понурой головой домой, неопытный зритель пробурчит: "За что его, собственно говоря, любить-то!".

Теперь после объявления результатов "статистических исследований" и яркой характеристики достоинств тенниса словами известного писателя, я думаю, третья задача отечественной школы тактики напрашивается сама собой. Назовем ее пропагандистской. Суть ее: развивать тактику, которая способствует широкой пропаганде тенниса, его замечательных достоинств, привлекает захватывающей, творческой, активной игрой, рождает радостные эмоции и доставляет истинное эстетическое удовольствие, согревает жаром упорной борьбы, дает возможность проявиться личности во всей ее неповторимой красе.

Эта задача и уже разобранные две ее предшественницы не только являются путеводными звездами развития тактики и совершенствования спортсмена. Они в то же время и призывные сигналы для решительной борьбы со злым, непримиримым противником. И противник здесь никто иной, как бледная однообразная игра без искры творческой фантазии.

Ш. ПРИНЦИПЫ ШКОЛЫ ТАКТИКИ

" Этот человек руководствуется в жизни твердыми принципами и поэтому пойдет далеко", "Нельзя разрешить эту проблему, не выработав принципиального подхода к ней", "Данная научная дисциплина будет быстро прогрессировать, так как удалось выявить и обосновать главные принципы ее развития" — с такими утверждениями мы обычно сталкиваемся в деловой обстановке, да и в обыденной жизни тоже. Главное во всех этих утверждениях — необходимость обоснованности поступков, наличия руководящих принципов, познание закономерностей, ухватившись за которые можно, как говорят, своротить гору.

А как же быть со школой тактики? Должна ли она иметь свои принципы? Безусловно. Какая же может быть школа без руководящих принципов. Ведь принципы школы тактики — это своего рода маяки, освещающие путь развития игры. Они, и строгий критерий оценки тактики, и конкретные установки на то, как в общих чертах действовать спортсмену в соревнованиях и как к ним готовиться.

Основные принципы отечественной школы тактики следующие: принцип активности, принцип гармоничности, принцип гибкости, принцип неожиданности.

Само название принципов говорит уже о многом. Реализовывать их в тактике — это, если выражаться предельно кратко значит: играть активно, гармонично сочетать нападение с активной обороной, действовать планомерно и одновременно гибко и неожиданно, строго сообразуясь с соревновательной обстановкой и тактикой соперника.

После такой расшифровки все казалось бы сразу становится ясным. Только бери эти принципы на вооружение и рассчитывай на успех. Но не надо спешить! Без глубокого подхода здесь не обойтись. Ведь каждый из принципов — это не просто лозунг.

Принципы требуют подробной расшифровки, анализа, обоснования, определения условий и путей практической реализации их в игре и системе тренировки.

"Попробуйте только нас послушаться" – угрожающе предупреждают принципы каждого спортсмена и тренера. Мы – сам закон. При этом у принципов школы тактики по сравнению с юридическими законами есть одна очень важная особенность. Перед последними дети не в ответе. Другое дело принципы – законы школы тактики. Строгая ответственность перед ними начинает действовать с первых шагов обучения теннису, начиная с 7–8-летнего возраста. Будет, к примеру, формироваться маленький теннисист с психологией игровой трусости, станет проявлять тенденции к "качу", и его тренера вместе с самим виновником надо решительно привлекать к "судебной ответственности", чтобы в зародыше пресечь тревожные тенденции. Конечно, если "преступник" совсем малолетний, больше ответственности на тренере. Но и самому, даже совсем крохотному теннисисту, нельзя давать скидку. Ведь на его вооружении уже должны быть хотя и самые элементарные, но передовые установки в тактике.

"А не превращаются ли принципы при таком подходе к ним в нечто подобное тискам, лишаящим спортсмена инициативы для проявления индивидуальных особенностей? Где же здесь свобода теннисной личности, неужели всем теннисистам следует играть одинаково и походить на близнецов?" – такой вопрос, я предвижу, может возникнуть у читателя. Здесь на помощь как раз и приходит одна из заповедей принципа гармоничности: общее и индивидуальное должно находиться в содружестве, составлять "чудесный сплав" – гармонию, индивидуальное должно подчиняться передовым тенденциям развития, а общее опираться на лучшее в индивидуальном и открывать индивидуальному широкий простор для проявления и совершенствования.

Однако в подходе к индивидуальности надо определить принципиальные исходные позиции. Выдающиеся теннисисты это, как правило, люди яркой, неповторимой индивидуальности. Но в чем выражается такая индивидуальность? Прежде всего в наличии у спортсмена доведенных до самого высокого уровня мастерства элементов подготовленности, непревзойденных достоинств их волевого характера, использовании очень эффективного коронного игрового оружия. Словом, индивидуальность не в слабостях спортсмена, а в больших его достоинствах. И беда в том, что словом "индивидуальность" нередко прикрывают, словно ширмой, существенные недостатки. Обычно это делают спортсмены, которые в работе над собой не проявляют необходимого трудолюбия и усматривают в своих ошибках и недостатках некие индивидуальные особенности, а не тяжелые болезни, подлежащие радикальному лечению. Не мало было у нас молодых спортсменов, пораженных именно этим недугом. Когда они мужали и приходил самый подходящий возраст для больших побед, наступало разочарование. Теннисисты сожалели, что своевременно не боролись с недостатками и пытались наверстать упущенное, но было уже поздно — лучшие годы оказались потерянными.

Владимир Маяковский в одном из своих выступлений сказал: "Пусть будет больше поэтов — хороших и разных!" Обратите внимание на первое слово характеристики поэтов — "хороших". Ведь может быть и так: много разных, но мало хороших. К сожалению, второе нередко имеет место в нашем теннисе. И одна из главных причин здесь — в выпячивании кажущейся индивидуальности и забвении прогрессивного направления в развитии техники и тактики. Так, что "разное" не безгранично, если иметь в виду достижение высоких результатов. Принципы тактической школы как раз и помогают это "разное" и индивидуальное направить по правильному перспек-

тивному пути. Поэтому принципы не есть нечто злое, убивающее индивидуальные особенности. Они злы и безжалостны лишь к существенным недостаткам, с которыми надо решительно бороться, опираясь на все индивидуально сильное.

Разберем каждый из принципов.

Принцип активности. Активность — замечательная черта человеческого характера. Она же — черта "характера" и передовой тактической школы. Но что значит играть активно? Может быть это слепая реализация шаблонной установки: сильно бить и бежать к сетке, а там, что будет, то будет? Такая установка очень далека от истины. Скорее она — девиз бездумных теннисистов, обреченных на поражение, если иметь в виду дуэли сильных соперников.

Современный теннис — игра "умная", психологически тонкая и разнообразная по своим замыслам и действиям. В ней грубой силой многого не добьешься. Опытных соперников можно побеждать только умом и искусным умением, удачными тактическими замыслами и эффективным игровым оружием. Играть активно — это значит, в первую очередь, активно тактически мыслить, мыслить творчески, смело, оригинально, изобретательно.

Нередко можно услышать утверждение, что нападение — это, мол, лучшая защита. Тогда, может быть, активная игра сводится к непрерывному нападению. Спору нет, нападение — душа активной игры. Но ведь желание нападать не всесильно. Хочешь не хочешь, а значительную часть встречи всегда приходится и обороняться, особенно при подаче соперника. И если нападение по своей направленности всегда активно, то защита как бы многолика. В каких только вариантах она ни встречается! В виде пассивного отыгрыша мячей, когда теннисист, ударившись в "кач", только думает о том, как бы не ошибиться. В виде так называемой паразитической тактики с девизом "Пусть игру ведет соперник и только

он один рискует, а я буду пожинать плоды его промахов". Но разве у защиты всегда такой непристойный вид? Ведь нападению соперника нередко противостоит активная оборона с контратаками, смелыми, решительными, искусными действиями. Разве можно назвать такую защиту пассивной игрой! Активная защита имеет все права гражданства, и было бы грубой ошибкой забывать ее достоинства.

Принцип тактической активности ориентирует на высокое искусство в нападающих и активно-оборонительных действиях, требует широкого применения активных видов тактики, нацеливает на борьбу за инициативу, навязывание сопернику своей воли. Однако, не принижая значения активной обороны, следует все же сказать, что "душой" принципа активности является четко выраженная нападающая направленность игры.

Своевременное, хорошо подготовленное и умело осуществленное нападение имеет ряд неоспоримых преимуществ. Нападающему принадлежит инициатива, он обычно получает психологическое преимущество и в большей мере, чем обороняющийся, может использовать тактический фактор неожиданности.

Возможности нападающих действий в последние годы значительно расширились. Особенно во время соревнований на травяных, деревянных и пластиковых площадках с их очень быстрым отскоком мяча, повышающим тактическую цену нападающих ударов. Объясняется это прежде всего улучшением специальной физической подготовки теннисистов и совершенствованием техники атакующих ударов, главным образом подачи, приема подачи и ударов с лёта.

Старое тактическое правило предписывало: учиться приспособливаться к конкретной игровой обстановке и использовать ее в своих интересах. Принцип активности это правило как бы отодвигает на второй план, а на его место ставит другое: стремитесь

игровую обстановку и весь ход игры активно изменять в выгодном для себя и невыгодном для соперника направлении, решительно захватывайте инициативу, подчиняйте соперника своей воле, как бы ведите его на поводу своих тактических замыслов.

Принцип гармоничности. Гармоничность! Это слово ассоциируется обычно с понятием красивого, совершенного. Когда речь заходит о целесообразном сочетании, соразмерности частей единого целого, строгой согласованности, здесь это слово просто незаменимо. Гармоничное физическое развитие, гармония красок, звуков, гармония интересов - вот примеры распространенных выражений с его использованием. Однако, какое отношение это слово имеет к школе тактики? Оно - критерий оценки существующего и ориентир для будущего развития.

Игра, если выражаться философскими терминами, это борьба двух противоположностей - нападения и защиты. В теннисе в отличие от командных спортивных игр, нет деления на нападающих и защитников. Но несмотря на это, мы нередко слышим следующие слова, брошенные в адрес какого-либо теннисиста: "Он - типичный защитник". В такой лаконичной характеристике обычно двойной смысл: и приверженность к защите и явная односторонность в подготовке. С неумолимой жесткостью наказывала судьба односторонних теннисистов, которые переоценивали один из видов действий в явный ущерб всем другим.

Принцип гармоничности стоит на страже интересов передовой тактики. Он выступает в своеобразной роли строгого судьи и программиста. Один оценивает существующее, другой - ориентирует на будущее.

Все виды передовой тактики должны развиваться гармонично. Необходимо в совершенстве овладеть как нападающими, так и защитными действиями и использовать их в наиболее выгодных сочетаниях в

зависимости от игровой обстановки, действий соперника и своих возможностей.

Примечателен в этом отношении выход на передовые позиции мирового тенниса спортсменов-универсалов, отличающихся всесторонней тактической подготовкой, хорошо владеющих сильной подачей, атакующей игрой у задней линии и у сетки, умеющих активно, стойко и искусно обороняться. Результаты многочисленных теннисных матчей неопровержимо свидетельствуют: тактика, основанная на мастерстве только в одном из видов действий, может приносить лишь эпизодические успехи, да и то лишь во встречах с неустойчивыми в волевом отношении соперниками или с игроками, имеющими существенные недостатки в технике.

Принцип гармоничности характерен и другой важной особенностью.

В тактике игры того или иного спортсмена всегда проявляются и общее и индивидуальное — черты подготовившей его школы и черты собственной личности. Важно, чтобы они не просто мирно уживались, а дополняли и украшали друг друга, составляли подлинную гармонию.

Еще в глубокой древности родилась поговорка "Каждый человек — создание неповторимое". Поэтому нет ничего удивительного в таких словах: сколько теннисистов — столько и игровых почерков. Но всегда ли в этих почерках в полной мере проявляются сильные стороны индивидуальности спортсмена? Увы, нет! Нередко они составляют лишь "мертвый капитал". В том-то и заключается одна из важнейших задач спортсмена, чтобы найти в тактике свое призвание, раскрыть свою индивидуальность, самым решительным образом утвердить свое "я".

У каждого выдающегося спортсмена есть что-то свое, особенное, наиболее сильное, что лучше всего ему удается и составляет его "конек". В это свое

он верит, на него обычно делает главную ставку, рассчитывает в трудную минуту.

... В первой половине тридцатых годов в Москве объявился маленький своеобразный теннисист. Его техника по рисунку движений не соответствовала общепринятым тогда канонам. Но играл он на редкость хитро, напористо и смело. На лице его стояла печать величайшей серьезности и какого-то особого вдохновения, будто он не играл, а решал трудные арифметические задачи. Уже в тринадцать лет мальчишку звали не иначе, как Николай Николаевич. Его очень сильный удар справа вызывал у специалистов одновременно два чувства - восхищение и удивление. Мальчуган буквально бросался на мяч и необычайно резким движением отбивал его, словно бросая в удар вес всего своего тела. Мяч летел с настолько большой скоростью, что окружающие разводили руками: у такого мальчугана без всякой телесной мощи и вдруг, откуда ни возьмись, эдакий мощнейший удар. И вот что примечательно: маленький теннисист свой "пушечный выстрел" время от времени хитро "подменял" в самый последний момент укороченным ударом. Для его сверстников это было настолько неожиданно, что они даже не успевали сорваться с места, чтобы принять "умирающий" у сетки мяч.

Не отличалась классикой и его сильная первая подача. В движении не было широты, размеренности, плавности. подача напоминала короткий, очень резкий удар кнутом или плетью.

Удар справа и подача и составляли "конек" теннисного самородка. На этом "коньке" он "ехал" и в зрелые годы, когда стал чемпионом страны. Читатель наверно уже догадался о ком идет речь: о заслуженном мастере спорта Н.Н. Озерове. Что он предпримет в каждый следующий момент, предугадать было, как правило, невозможно. Его сила заключалась в оригинальности и неожиданности коронных ударов, высоких взлетах игровой фантазии. Озеров знал цену своим игровым достоинствам и

держал их всегда в наивысшей боевой готовности. Он являл собой яркий пример спортсмена, который сумел поставить на службу своей тактики все, что было у него индивидуально сильным.

Идеально, когда все без исключения элементы игры находятся на самом высочайшем уровне. Но даже выдающимся игрокам одно удается лучше, а другое — чуть похуже. И все-таки это "другое" не опускается у них до уровня ничем не компенсируемых недостатков. Поэтому правомерна и такая рекомендация: слабое должно стать сильным, а сильное — сильнейшим. Однако я не хочу исключать и большего, так как при упорном труде слабое может в конце концов превратиться в игровой "конек". Поэтому требование особое внимание уделять коронному оружию никак не снижает необходимости подтягивать слабые стороны, устранять недостатки. Наоборот, оно нацеливает на анализ игры и тренировки наших спортсменов, позволяет утверждать, что в ряде случаев работа с ними носит односторонний характер. Внимание концентрируется только на подтягивании слабых сторон, тогда как коронное оружие систематически не оттачивается. Надо немедленно поднимать сигнал тревоги при таком однобоком подходе к игроку, при появлении среди теннисистов унылых "середнячков" без такого игрового оружия. Все индивидуально сильное должно подвергаться строжайшему учету и с величайшей заботой "лелеется" в интересах передовой тактики. Этого требует принцип гармоничности.

Принцип гибкости. Гибкость! В каком только сочетании ни встретишь это глубокое по смыслу слово. "Мудрая гибкая политика, гибкий подход к важной проблеме, гибкая тактика военачальника . . ." Все эти выражения подчеркивают способность к целесообразной вариативности, принятию решений и осуществлению действий на основе строгого учета условий, обстановки, обстоятельств.

В теннисе гибкая тактика — свидетельство зрелости спортсмена, спутник успеха. В противоположность ей — шаблонная тактика — признак плохой спортивной подготовленности и предвестник застоя результатов и последующих неудач.

Какую же тактику мы вправе назвать гибкой?

Теннисист соревнуется с различными соперниками, играет в различных условиях, действует в самых различных игровых ситуациях. Если тактика варьируется с учетом всех этих "переменных разностей", то ее с полной уверенностью можно оценить как гибкую.

Такая тактика — не есть результат лишь игровой импровизации. Главная ее особенность заключается в сознательности и планомерности тактических действий, их заблаговременной наметке в основных чертах и в наиболее важных деталях. Эти особенности превращают отдельные действия в звенья единого процесса спортивной борьбы с четко определенными тактическими задачами и путями их решения. Поэтому гибкостью должны отличаться, в первую очередь, сами тактические планы, а затем уже их осуществление в игре. В планах следует предусматривать различные варианты, разнообразные способы действий. Относиться к планам надо критически, вносить в них необходимые уточнения и изменения в зависимости от хода игры.

С какими только соперниками теннисисту не приходится скрещивать оружие. И даже хорошо знакомых игроков нельзя считать "величиной постоянной". Ведь их подготовленность может со временем меняться, причем довольно существенно. Поэтому к игре каждого соперника надо относиться как к своеобразному секрету. Раскрыть этот секрет возможно полнее и есть одна из важнейших тактических задач. Нужно выявить привычные психологические особенности соперника, его психическое состояние в данном конкретном матче, особенности его

техники и тактики, физической подготовленности, его слабые и сильные стороны. Только при этом условии тактике своей игры можно придать по-настоящему гибкий характер. Остерегайтесь подходить к любому сопернику со стандартной меркой, подбирайте под каждого свои особые ключи.

Казалось бы, это требование звучит, не иначе как прописная истина. Оно словно таблица умножения для студента старшего курса, углубившегося в сложные математические расчеты. Но жизнь свидетельствует о другом. Есть немало теннисистов, которые как будто забыли "таблицу умножения". Они выработали для себя один единственный стандартный вариант тактики и используют его в игре с любым соперником. Вот один из характерных примеров.

. . . По трибунам неожиданно прошел осуждающий шёпот. "И это шестая ракетка США, где так широко развит теннис." - такие мысли читались на удивленных лицах московских зрителей.

Виновница столь неожиданной реакции трибун ходила по площадке с горделивым видом, переполненная чувством собственного достоинства. Почти каждый отскочивший от площадки мяч она возвращала сильным, остро плассированным ударом в высокой точке. Особенно много неприятностей сопернице доставляли ее оригинально "двуручные" удары слева. Стоило нашей спортсменке ответить чуть покороче, как быстрый удар американки по поднимающемуся мячу пробивал среднюю по прочности броню, воздвигнутую у задней линии площадки.

Но вот волею судеб "двуручница" оказалась вблизи сетки. И тут произошло то самое, из рук вон выходящее, что вызвало на трибунах приглушенную многозначительную реакцию. Неловким движением, которого нет в мировой энциклопедии теннисной техники, американка попыталась в ответ на свежечу выполнить удар над головой - удар азбучный для

хорошего игрока. Но непослушный мяч беспомощно "прилип" к ракетке.

Не прошло и нескольких минут, как американке вновь пришлось выбежать вперед. На этот раз мяч приземлился совсем рядом от нее. И тут вновь неожиданность! Оказалось, что американка фактически не владеет и ударом с лёта слева в низкой точке. Словом, через пятнадцать минут игры всем стало ясно: очень остро и оригинально играющая у задней линии американская спортсменка П. Барткович совершенно беспомощна у сетки.

Казалось бы, играя против такой однобокой теннисистки тактика на редкость проста: вытягивай ее укороченными ударами к сетке и обводи, а в игре у задней линии сбивай темп, вынуждай ее играть в неудобной низкой точке. Но соперница американки будто неисправимая упрямец действовала только в привычной для себя манере. Незамысловатыми ударами средней силы с задней линии она однообразно "клала" мяч по углам площадки.

Разве могла Барткович надеяться на лучшее! Это была ее стихия. Она искала только малейшей завязки, чтобы произвести серию кинжальных ударов, бросающих очко в ее копилку.

Так неужели ее соперница, одна из ведущих наших теннисисток Т. Киви-Пармас, не понимала своей обреченности? Безусловно, понимала. Но в ее игровом арсенале не было других наигранных тактических вариантов, способных сокрушить американскую теннисистку. Спортсменка делала робкие попытки вытянуть Барткович к сетке с помощью укороченных ударов. Но для такого гибкого тактического варианта действий спортсменке не хватало техники.

Читатель здесь может заметить: "Барткович, видимо, не так-то легко вытянуть к сетке, иначе она не была бы шестой ракеткой своей страны". В этих словах - суровая правда. Заставить американку по-

вернуться к вам своими слабыми сторонами можно только при очень разнообразной технике и наличии в запасе надежных тактических вариантов.

Вот конкретный пример, показывающий, что установка уметь с каждым соперником играть по-разному, ни такая уж азбучная истина, как это может показаться на первый взгляд.

А как относиться к принципу гибкости тактики во встречах с хорошо знакомыми соперниками? Неужели и здесь нельзя целиком положиться на уже опробованную и оправдавшую себя игру? При явном превосходстве сил, конечно, можно рискнуть пойти по проторенной дорожке. Но если соперник более менее равен вам по подготовке или заведомо более сильный, то в борьбе с ним надо упорно искать новые варианты действий, готовить тактические сюрпризы. Ведь тактика, уже принесшая успех один раз, может оказаться недостаточно эффективной в повторном матче с тем же самым соперником.

Таким образом, в распоряжении игрока всегда должна быть большая связка тактических "ключей" и среди них обязательно "ключи" редкие, которые подходят только к уникальным "замкам". Это и составляет одно из главных условий гибкой тактики, "тактики под конкретного соперника".

Разнообразием, изменчивостью отличаются не только соперники, но и условия соревнований. Сегодня вы играете в закрытом помещении на деревянных площадках при ровном освещении, не мешающем игре. Завтра местом сражения становятся мягкие грунтовые корты, и стоит вам бросить взгляд вверх при ударе над головой, как яркие лучи солнца могут "выкрасть" мяч из поля вашего зрения. А в один из ближайших дней вы вступаете на совсем непривычные для вас травяные площадки и перед вами новые трудности из-за стремительного, скользящего отскока мяча.

Налицо только три примера различных игровых условий. А сколько их еще! И все они так или иначе влияют на тактику игры, словно говорят ей: про-никай в наши тайны, учитывая нас, приспособлявай свои особенности к нашим.

Покрытие площадок, температура и движение воздуха, освещенность корта, пожалуй, главные особенности соревновательной обстановки, имеющие наиболее прямое отношение к тактике. При этом все они могут изменяться по ходу даже одной встречи. Допустим, началась игра в тихую солнечную погоду, а заканчивается при сильном ветре. И поэтому обводящая свеча из хитрого тактического оружия может превратиться в "средство самоубийства". Попробуй-ка выполнить точную "свечу", если ветер быстро от-носит мяч в сторону! Гибкая тактика и должна улав-ливать даже малейшие изменения соревновательной обстановки и варьироваться в соответствии с новыми условиями.

Наибольшие сложности вызывает обычно смена покрытий площадок. Не так-то легко, к примеру, после "медленных" кортов сразу перейти на "быстрые". Здесь нельзя положиться только на способность быстро приспособляваться к специфическому для каждой площадки отскоку мяча. Даже частые тренировки на различных площадках сами по себе не приведут к успеху. И в этом случае главное — вооруженность наиболее эффективными для каждой площадки вариантами тактики и способность их использовать при быстрой смене площадок.

Говоря о гибкости тактики применительно к особенностям игры различных соперников и различным условиям соревнований, мы имели в виду главным образом общую направленность тактических действий. Пока речь шла как бы о проектном задании на строительство величественного здания — передовой тактики. Но такое задание не намечает во всех деталях будущее сооружение. Нередко только итоги

конкурса детально разработанных проектов определяют, каким оно будет в действительности во всей своей красе. Удары, тактические комбинации как раз и составляют кирпичики, блоки, из которых сооружается здание тактики в его окончательном виде.

Вот мы и подошли к так называемой ситуационной гибкости тактики, творческому варьированию тактики в конкретных игровых ситуациях. Как разнообразны, динамичны и неожиданно изменчивы игровые ситуации в теннисе! Они будто бесчисленные сочетания разноцветных стеклышек в калейдоскопе.

Ситуационная гибкость и заключается в способности быстро улавливать особенности игровых ситуаций, хорошо в них ориентироваться и находить в каждой из них наилучшие варианты игровых ходов.

При всем многообразии нюансов спортивной борьбы, в игровых ситуациях есть и немало общего. И опасность нарушения гибкости тактики угрожает в первую очередь в сходных ситуациях. Стоит им возникнуть, как теннисист прибегает к шаблонным ответам. Один спортсмен при второй подаче всегда направляет мяч сопернику под удар слева; другой, если ему приходится отражать косой удар, — обводит "сеточника" только вдоль боковой линии; третий и из левого угла площадки неизменно посылает мяч при ударе над головой под левую руку соперника; четвертый — не иначе как только косым ударом с лёта отвечает на обводящий удар по линии.

Немало споров у специалистов вызывал мужской финал всесоюзных зимних соревнований 1969 г. Одного из финалистов В. Короткова некоторые упрекали в явном тактическом промахе. Подготовительные удары при выходах к сетке он почти неизменно направлял своему сопернику А. Иванову в левую часть площадки.

— Играть ленинградцу под его коронный удар слева — все равно, что сунуть голову в пасть льва, —

с упреком восклицал один из поклонников Короткова. Но тренер Короткова Е.В. Корбут дал такой тактике следующее, обоснование.

— Спору нет, обводящий удар слева — сильнейший у Иванова, — подтверждал тренер, — но в этом ударе есть один секрет, снижающий его эффективность. Мяч почти всегда направляется вдоль боковой линии и поэтому ответ можно предвидеть заранее. Тактика Короткова себя оправдала. Она свела на нет фактор неожиданности в обводке соперника. А причина поражения Короткова в упорных пяти партиях была совершенно в другом.

Спору нет, противостоять сопернику с набором шаблонных ответов всегда легче, так как открывается широкая возможность предвидеть развитие игровых событий, а, значит, и лучше к ним подготовиться.

Принцип неожиданности. Кто ни читал с живым интересом книги о военных приключениях, подвигах мужественных партизан и разведчиков! Читателя восхищают их смелые, дерзкие и неожиданные действия. Вспомните: именно такими действиями достигались нередко победы над более сильными, но застигнутыми врасплох противниками.

Там, где идет противоборство сторон, фактор неожиданности выступает, как правило, спутником успеха, хотя бы первого, временного.

А в спорте, в теннисе? И здесь, те, кто умеет придать своим замыслам и действиям неожиданный характер, получает явное преимущество.

Кто из теннисистов не помнит мужского финала личного первенства СССР 1966 г. в Алма-Ате! Один из корреспондентов в первый день соревнований провел среди специалистов опрос; кто из игроков выйдет в финал. Среди опрошенных только один специалист — старший тренер сборной Москвы С. Мирза — назвал финалистом москвича Вячеслава Егорова. Все же остальные считали, что в решающем поединке

могут встретиться только Метревели и Лейус. Над столичным тренером даже шутили, что он желаемое хочет выдать за действительное.

Егоров не подвел тренера. Играл он отлично и в полуфинале заставил сложить оружие Лейуса, который раньше всегда был для него камнем преткновения.

Как говорится, не на жизнь, а на смерть сражался Егоров и в финале против Метревели. Первую партию он выиграл с большим счетом. Во второй и в третьей вел 7:6 и имел "ровно". Всего два очка отделяли москвича от выигрыша каждой из двух партий, а ведь третья могла стать последней в поединке. Однако ключевые очки достались Метревели. В четвертой же партии тбилисец был уже полным хозяином положения.

У специалистов матч вызвал немало споров. Одни считали, что в тактике Егорова было немало промахов, и поэтому его постигла неудача. Другие с жаром утверждали: избери Метревели иную тактику и он мог доказать свое преимущество гораздо легче. Но среди многочисленных спорщиков нашлись лишь немногие, кто вспомнил о четырех роковых ошибках москвича и их причинах.

А что же, собственно говоря, произошло? Предоставим слово победителю. Вот, что рассказал Метревели после матча.

"Я не люблю играть на мягких площадках. Они снижают эффект сильных ударов и особенно подачи. В матче с Егоровым площадка была моим вторым соперником. Я отказался от выходов к сетке с подачи и избрал тактику комбинационного нападения у задней линии с периодическими, хорошо подготовленными атаками на сетку. Егоров, видимо, привык к моей игре и уже не ждал особых тактических сюрпризов. Но в тот самый критический момент, когда я ошибся при первой подаче, у меня мелькнула мысль: а что, если предпринять неожиданную "психическую

атаку" и при втором мяче стремительно выйти к сетке? И я рискнул. Для соперника это явилось полной неожиданностью. Он отбил мяч далеко "за". То же самое я повторил при розыгрыше следующего очка. И на этот раз Егоров ошибся. Так достались мне два первых "золотых очка". Потом я решил: приберегу выходы к сетке с подачи до следующего острого момента. И когда в третьей партии опять наворачнулась угроза, я без колебаний дважды после второй подачи выходил вперед. Ошибки Егорова "подарили" мне и эти два "золотых очка".

Не будем гадать, как бы закончился финальный поединок, не пойдя Метревели на неожиданные дерзкие действия. Одно ясно: четыре роковых ошибки Егорова были не случайны.

Каковы же особенности использования принципа неожиданности?

Неожиданностью должны отличаться как тактический план игры в целом, так и действия в каждой игровой ситуации. Ею должно быть пронизано и использование большинства приемов техники, то есть необходимо превратить неожиданность в постоянно действующий тактический фактор.

Достигается это применением новых оригинальных тактических замыслов и вариантов тактики, замаскированной подготовкой действий, введением соперника в заблуждение относительно истинных намерений с помощью тактической хитрости, обманных движений, использования знакомых сопернику действий в такие моменты игры, когда он их меньше всего ожидает. Не случайно хорошие тактики — это спортсмены — "загадки", играя с которыми не знаешь заранее, как они будут действовать.

Любые тактические замыслы, в том числе самые оригинальные и неожиданные, реализуются прежде всего посредством техники. Именно на технику ложится самая большая ответственность за претворение тактических замыслов в жизнь. И дело здесь

не только в простой технической возможности реализовать эти замыслы, скажем, в наличии или отсутствии в арсенале игрока необходимого удара.

Секрет кроется в особенностях техники, позволяющих осуществлять задуманное неожиданно. А это возможно при условии, если подготовительные движения не обнаруживают заранее намерение теннисиста применить тот или иной намеченный удар.

Посмотришь на некоторых теннисистов во время тренировки и кажется, вот пример хорошей, разнообразной техники! Но начнутся соревнования и вы в недоумении: результативность техники очень низкая. Секрет здесь прост: техника носит слишком открытый, легко распознаваемый характер, особенности ударов видны сопернику заранее. В итоге играть с таким теннисистом довольно легко, так как открываются широкие возможности для предвидения игровых событий.

Приведем несколько примеров такой "рассекреченной" техники.

Присмотримся внимательно к исходному положению теннисистов при подаче. Выясним, всегда ли оно одинаково. Совершенно неожиданно у многих обнаружатся казалось бы странные особенности. Стоит, например, одному теннисисту решить применить крученую подачу, как, глядишь, он уже больше развернулся боком к сетке. Другой время от времени подходит к задней линии быстрее обычного и во всех его энергичных движениях, занятой позе проглядывает нетерпение, решимость атаковать. Это значит - подающий непременно выбежит после подачи к сетке.

Теперь попробуем "вчитаться" в движения теннисистов при сильных ударах. И здесь мы обнаружим следы тактических "преступлений". Вот теннисист двинулся на мяч, в его подготовительных движениях напряжение, впечатление такое, будто он

собрался в пружину, готовую мгновенно распрямиться. Всем этим он выдает тайну удара. Он как бы предупреждает соперника: не медли, я применю сильный удар.

Наиболее часты нарушения правил "секретности" бывают при обводке "сеточника". А ведь в успехах последнего огромную роль играет возможность предвидения. Понаблюдаем за одним из таких "нарушителей".

Словно быстрый челнок перемещается он из угла в угол. Соперник его только и ждет момента для выхода к сетке. И стоило "бегунку" ответить чуть покороче, как соперник сразу устремился вперед. Теперь слово за обороняющимся. Низким контратакующим ударом он обводит "сеточника". Но того одним удачным ударом не испугаешь. Не проходит и минуты как неудачник вновь на пути к сетке. Чем на этот раз ответит "бегунок"? Его движения при ударе стали чуть замедленными, менее энергичными, при окончании замаха он совсем низко опустил ракету и как бы черпательным движением снизу-вверх начал выносить её на мяч. Если бы имелась возможность читать мысли на расстоянии, то в этот самый момент мы бы безошибочно установили: "сеточник" понял, что готовится свеча. И действительно, в следующее мгновение мяч "поплыл" высоко над сеткой. И хотя свеча оказалась высокой и длинной, она стала легкой добычей неутомимого "сеточника". Удивляться здесь нечему: в ударе не было неожиданности.

Как видите, не всякая техника тактически эффективна. Многие зависит от ее "маскировочных способностей". На всех подготовительных движениях при ударах должен стоять гриф "Совершенно секретно". Соперник не должен знать заранее, куда и каким ударом игрок решил направить мяч.

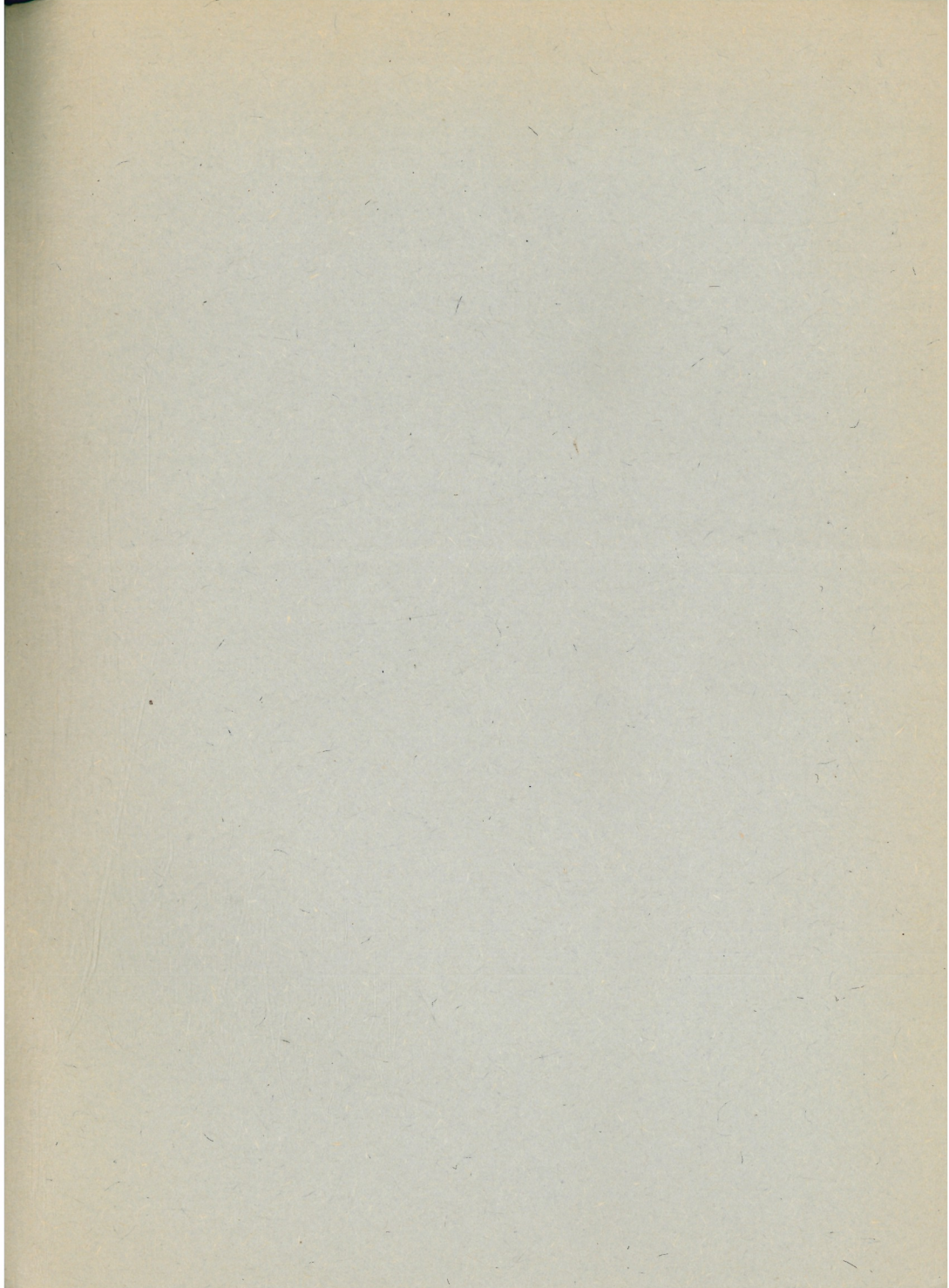
Какие же особенности ударов подлежат засекретиванию и маскировке? Прежде всего — направление, сила и особенности вращения мяча.

Главное — не обнаружить заранее начальными движениями все перечисленные выше особенности ударов. А для этого необходимо сходство движений в подготовительной фазе всех разновидностей одного и того же удара (плоского, крученного, резаного), а также разных ударов, но имеющих одну и ту же тактическую направленность (например, при низкой обводке и свече).

В ряде случаев маскировка задуманного удара может осуществляться и с помощью обманных движений. Возьмем для примера укороченный удар и низкий обводящий. Задумав применить укороченный удар, теннисист сначала вводит соперника в заблуждение своим энергичным выходом на мяч и подчеркнуто убыстренным характером движений, как бы сигнализирующим о подготовке сильного удара для выхода к сетке. Однако в самый последний момент игрок замедляет свои движения и мягкой подрезкой "укорачивает" мяч.

Зак. № 42. Тираж 200 Бесплатно.

Офсетное пр-во ГЦОЛИФКа
Москва, ул. Казакова, 18.

607712

2022214943